

**В вихре
времени**

Петр ДИНЕЦ

«ЦАРСТВУЙ
НА СЛАВУ!»

Освободитель из будущего

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д46

Художественный редактор *П. Волков*

В оформлении переплета использована
иллюстрация *А. Руденко*

Динец, Петр Иосифович.

Д46 «ЦАРСТВУЙ НА СЛАВУ!» Освободитель из будущего / Петр Динец. — Москва : Яуза : Эксмо, 2017. — 320 с. — (В вихре времен).

ISBN 978-5-699-93405-8

«Апогей самодержавия» – так называли правление Николая Первого, а за самим императором закрепилась слава «удава, тридцать лет душившего Россию». Под силу ли рядовому «попанданцу», не ученому и не спецназовцу, кардинально переломить ход русской истории? Расправиться с оппозицией дворян, отменить крепостное право, дать землю крестьянам, запустить маховик промышленной революции, перевооружить армию и флот для грядущей схватки с Британской империей и раз и навсегда усмирить Кавказ? Сможет ли «Николай Палкин» запомниться потомкам царем-освободителем, воплотив в жизнь слова реального императора: «Где раз поднят русский флаг, там он уже спускаться не должен!»

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-93405-8

© Динец П., 2017
© ООО «Издательство «Яуза», 2017
© ООО «Издательство «Эксмо», 2017

КНИГА ПЕРВАЯ

Цесаревич

ГЛАВА 1

Я закрыл книгу и устало прикрыл глаза. Уже полночь, а завтра на работу. «Опять с утра буду как зомби», — подумал я. Есть у меня маленький фетиш: когда остается несколько страниц до конца книги, я обязательно должен их закончить, даже если, как сейчас, чувствую себя убитым после рабочего дня и знаю, что завтра с утра никакой кофе не поможет.

А что делать, если ты любишь читать? С детства глотал книги, и привычка читать для тебя так же естественна, как для некоторых привычка курить. Так что, заканчивая одну книгу, я автоматически начинал другую, а иногда почитывал несколько параллельно.

С утра действительно пришлось тяжело.

— По кофе? — спросил Сашок.

— Угу, — угрюмо ответил я, — без молока и много.

— Баба? — ехидно спросил он.

— Если бы, — ответил я, — так, нездоровое увлечение литературой.

— Понятно, — протянул он, но тему не продолжил. Мы с Сашкой — типичные рабочие приятели. С утра кофе вместе, в полдень обед, тоже вместе или в компании еще нескольких коллег. В пятницу пиво после работы. Вообще-то, ритуал распития пива предложил наш начальник в целях сплочения коллектива, но традиция не прижилась, и упавшее знамя подобрали мы с коллегой.

Вне работы мы не общались. Читать он не любил. Так что наши разговоры сводились к small talks, сериалам, коих мой приятель смотрел немерено, и Сашкиным же похождениям: реальным и мнимым. Мне нравились его оптимизм и жизнелюбие. Сам я относился к жизни более основательно, да и большинство моих друзей можно было смело причислить к «серьезным молодым людям». Поэтому мне импонировали беззаботные люди, даже если у нас не всегда было много общего.

Несмотря на недосып, день прошел на удивление быстро. На работе продолжался очередной аврал, и за бесконечными встречами да отчетностями день пролетел незаметно. Усталость свалилась на меня, как только я покинул офис. Спускаясь в лифте, я почувствовал опустошенность: как надувной шарик, из которого весь воздух выкачали. Прямо-таки рабочий отходняк.

Домой я добирался, как обычно, на подземке и в час пик, в набитом под завязку вагоне, так что за поручни можно было не держаться. Болтаясь в переполненном вагоне, я вспомнил о прочитанной давеча книге — биографии Николая Первого. Спорная личность. Одни считают его деспотом, другие — рыцарем самодержавия. Так получилось, что про Николаево царствие большинству известно по его началу и концу. То есть по восстанию декабристов и Крымской войне. Мало кто слышал про Русско-персидскую и Русско-турецкую (очередные) войны, про спасение Турции в борьбе против Али-паши, про подавление Польского и Венгерского восстаний. Об этом в основном знают специалисты или те, кто специально интересуется.

Многим Николаева эпоха видится как период застоя между царствованием Александра Первого с его драматичной борьбой с Наполеоном, и царствованием Александра Второго — царя-освободителя,

погибшего от рук террористов. Я же думал о другом: имел ли Николай свободу выбора? Были ли его решения ошибочными или это послезнание потомков, и даже императоры не имеют свободы воли и скованы обстоятельствами?

Придя домой и наскоро поужинав дежурной яичницей с бутербродом, я засел за интернет. Прочитав книгу, люблю проверить информацию из других источников. Из любопытства и объективности ради. За что мне нравится Википедия, так это за ссылки. Начав читать одну статью, я перескакивал на другую, что давало более полную картину эпохи, начиная политическими раскладами и кончая технологиями.

Про Крымскую войну и ее героев — Нахимова и Корнилова я читал, будучи еще школьником. Гораздо меньше мне было известно про николаевских генералов: Паскевича, Ермолова и Дибича. Вот и захотел восполнить пробелы. Зависнув в интернете, я заснул только после полуночи, причем быстро, как будто свет в голове выключили. Если бы я знал, как пригодится мне любая крупица информации о времени Николая I, то всю ночь глаз не сомкнул бы, запоминая все, что смогу. Но что пользы в послезнании.

Проснулся я с удивительно ясной головой и без будильника. Без будильника, потому что кто-то тряс меня за плечо. Этот кто-то оказался седовласым старичком с большими и мохнатыми бакенбардами.

— Ваше высочество, — просительно сказал он, — вставайте, у вас классы вскорости, а вы еще не умывшимся.

Сначала мне показалось, что это розыгрыш, но быстро отогнал эту мысль. Во-первых, ни у кого не было ключей от моей квартиры, да и друзья у меня серьезные — такие не разыгрывают. А во-вторых, я знал этого старичка, да и обстановка комнаты выглядела знакомой.

ГЛАВА 2

Прошел уже месяц с тех пор, как я попал в прошлое. Мне же казалось, что прошла целая жизнь. То, что я переместился в ноябрь 1812 года, в тело Николая Павловича — будущего императора Николая I, я узнал в первый же день. Разбудивший меня Андрей Осипович, мой камердинер, помог умыться и сопроводил в классную комнату, где меня уже дожидались младший брат Михаил и Андрей Карлович Шторх — наш учитель политэкономии. Идея проводить урок политэкономии 16- и 14-летним подросткам в восемь утра была явно бредовой, плюс наш с Михаилом учитель делал это сухо и педантично, читая нам по своей печатной французской книжке, ничем не разнобразя этой монотонии.

Как оказалось, мое сознание наложилось на память реципиента, что очень мне помогло. Так как я помнил события и людей из жизни настоящего Николая и только поэтому не спалился. Узнавание людей и событий, с ними связанных, приходило само собой. Как будто кто-то подсказывал из-за плеча. Но все это происходило у меня в голове совершенно безотчетно. Странно, но я почему-то поверил в то, что произошло, практически моментально, и меня охватил ужас. Не ужас стать разоблаченным, а ужас одиночества. Мои родные и друзья, вся моя прежняя жизнь в один миг, без предупреждения, оказались в прошлом, то есть в будущем. Мир в одночасье изменился. Ведь уровень технологий значительно определяет бытие, а я переместился на двести лет в прошлое, в мир без интернета, телевизора, телефона, да и вообще, без многого того, что составляет нашу жизнь в XXI веке, и потому я чувствовал себя как ребенок, так как многому мне предстояло учиться заново. Например, привыкнув к клавиатуре

и практически отвыкнув писать рукой, я должен был научиться писать пером без помарок. Вместо автомобиля пришлось осваивать езду верхом. И хотя тело реципиента помнило все эти навыки и выполняло их автоматически, у меня существовал диссонанс между моторикой и личными привычками. Со временем он сгладился, но первые месяцы это было довольно мучительно.

Я не знал, вернусь ли когда-нибудь в свое время, и поэтому, предполагая худший сценарий, решил максимально сжиться с этой эпохой и сделать мое пребывание здесь насколько возможно комфортабельным. Благо положение Великого князя, брата императора, весьма этому способствовало. Я не вынашивал далекоидущих планов по преобразованию страны, ведь я являлся простым человеком из будущего, который еще не чувствовал внутренней связи со временем, в котором очутился. А посему я решил пока не загадывать наперед, дабы не наломать дров. Послезнание давало мне некоторое преимущество, но не всегда знания, почерпнутые из книг, отражают действительность. Увы, но теория и практика — это, как говорят в Одессе, две большие разницы.

Первые дни я провел в каком-то оцепении, действуя на автомате, благо мне помогали память реципиента и интенсивность наших с Михаилом занятий. Общаться с семьей мне приходилось только за обедом и по вечерам. Так как, по-видимому, настоящий Николай был довольно рассеян и не испытывал особой тяги к учебе, моя молчаливость не выглядела чересчур подозрительной. Мой младший брат пытался было узнать, что со мной, но я сослался на усталость и беспокойство. Поскольку шла война с Наполеоном и все с тревогой воспринимали опасность, грозившую отечеству, это объяснение показалось Михаилу убедительным.

Несмотря на то что я попал в этот мир в разгар войны с Наполеоном, той, которая Первая Отечественная, события, происходившие на фронте, проходили мимо нас. Самого понятия «фронт» еще не существовало, все же масштаб был не тот. Хотя люди гибли тысячами и за победу над Бонапартом пришлось заплатить жизнями трехсот тысяч солдат и мирных жителей. Но в Гатчине, где я очутился, война казалась чем-то далеким. Конечно, в воздухе витало напряжение. Люди жадно ожидали новостей из армии и возле приезжих офицеров всегда толпились, спеша узнать новости. Но в этой атмосфере мы продолжали ежедневные занятия под ретивым генеральским оком Ламздорфа — нашего с Михаилом воспитателя. Это был типичный солдафон, деспотичный и ограниченный. Поставленный нам в воспитатели еще Павлом I, моим (то есть Николая) отцом, он оставался таковым и при брате моем, Александре. Матери моей, Марии Федоровне, которая жила с нами в Гатчине, почему-то импонировал этот деспотичный стиль воспитания — может, сказались ее прусские корни. Правда, по мере взросления мы стали все больше времени проводить с другими педагогами, которые преподавали нам право, экономику, математику, физику и военные науки: стратегию, тактику и инженерное дело.

Здесь я хочу сделать отступление и сказать пару слов о моей родне. Мария Федоровна была довольно деспотичной мамашей. Она беззастенчиво лезла в политику и пыталась влиять на решения сына — императора Александра. Будучи осведомлена о заговоре против своего мужа, Павла I, она и Александр фактически санкционировали его убийство, не предприняв ничего, чтобы его предотвратить. Неизвестно, было ли в их силах повлиять на заговорщиков — уж очень сильно не любили Павла при дворе, но они не очень-то и пытались. Правда, убиенный своим вздор-

ным характером и сумасбродством, так сказать, не оставил себе шансов. Конечно, деньги и подстрекательство англичан легли на благодатную почву, но и без них у Павла имелось достаточно врагов. Он стоял на пути у больших денег, а это, как известно, чревато.

Мой брат Александр, став императором, стал также и главой семьи, заменив младшим, Николаю и Михаилу, отца. Будучи занят государственными делами и армией во время непрерывных Наполеоновских войн, он редко навещал нас. Поэтому так сложилось, что единственным близким мне человеком в семье стал Михаил.

Александр был человеком скрытным и непостоянным. Он увлекался то масонством, то православием, то приветствовал либеральные идеи, то проводил консервативную политику. Позже, когда я узнал его получше, мне думалось, что он разуверился в либеральных идеях и возможности их реализации в тогдашней российской действительности. Впрочем, по-настоящему Александра не знал никто: он всегда старательно скрывал свои чувства. По окончании войны он казался усталым и разочарованным. Но не буду забегать вперед.

ГЛАВА 3

В этот ясный и морозный день звуки разносились далеко по округе. Густая и нестройная толпа скопилась на берегу реки с непривычным для французского уха названием — Berezina, но лишь немногие из них смогли пробиться к двум понтонным мостам, построенным через реку. Сверху, где располагался полк Огюста Клермона, толпа походила на ручей, набирающий силу, который вот-вот прорвет плотину. Несмотря на огромное скопище людей, заполнивших все пространство до горизонта, было довольно тихо.

Отчетливо слышались ругательства и окрики солдат, охранявших переправу, да визг пил и стук топоров саперов, которые по грудь в воде, среди редких льдин неустанно чинили расшатавшиеся опоры мостов.

Полк Огюста расположился на одной из возвышенностей, юго-восточнее переправы, с задачей прикрывать мост в случае появления русских. Он, как и остальные однополчане, понимал, что шансов выжить у них почти нет, потому что гвардия и все, кто в состоянии держать ружье, сейчас переходят через мосты. В случае появления русских они могли надеяться только на себя и на те куцые батареи, что успели переправить на противоположный берег.

Солдаты поредевшего полка группками расположились вокруг нескольких костров, пытаясь хоть немного согреться и попить горячей болтанки из муки с отрубями. Счастливчики, которым удалось раздобыть немного конины, жарили мясо прямо на углях. Фузилеры и гренадеры Великой армии ныне представляли собой печальное зрелище. Больше всего бросались в глаза обмотки на ногах. Сапоги у всех за время долгого отступления давно поистрепались, и дабы не обморозить ноги, солдаты обматывали остатки сапог шерстяными платками или просто обрезками ткани — кто что смог раздобыть в разграбленных во время летнего наступления русских деревнях. Остальная экипировка тоже имела явно неармейское происхождение. Большинство сидели одетые в крестьянские овчины, которые были по достоинству оценены отступавшими французами после того, как ударили первые морозы. Некоторые даже умудрились раздобыть настоящие меховые шубы. Черт с ней, что дамская, зато не замерзнешь. И вообще, шуточки по поводу одежды быстро прекратились, как только солдаты начали замерзать. Те, кто смеял-

ся и брезговал, первыми остались лежать в сугробах вдоль Смоленской дороги.

— Чертов мороз, — сказал сидевший рядом капрал Удэ. Он был матерый вояка, этот Удэ, прошедший не одну кампанию. А теперь, вместо бравого капрала-великана на Огюста смотрел осунувшийся и оборванный нищий, со слезящимися от холода глазами и красным шелушащимся носом. Не то чтобы такой холод нельзя пережить. Но за месяц бесконечных переходов, без крыши на ночлег и со скудеющим рационом, когда дождь льет за шкирку, а ночью мягкий снег так обманчиво покоен, и закаленный ветеран может дать дуба. Первыми начали падать лошади, а за ними и люди. Их нынешний полк собрали с бору по сосенке, из поредевших дивизий Великой армии, но с Удэ Огюст был знаком с начала кампании, когда они оба служили под командованием маршала Виктора.

На реплику Удэ Огюст ничего не ответил.

— Эй, Жан-Пьер, как твой суп, закипел уже? — спросил Удэ кашеварившего фузилера.

— Скоро, — ответил тот, — сейчас отрубей досыплю, и можно приступать.

— Это хорошо, — ответил Удэ, — а то у меня с утра все нутро промерзло. Эх, сейчас бы этой русской водки, а, Огюст? — спросил он. — Помнишь, как тогда, в Москве?

— Еще бы, — фыркнул тот, — ты тогда так надрался, что полковник приказал оставить тебя на три дня в карцере «для протрезвления».

— Да, славная была попойка, — мечтательно прозвнес Удэ. — Если бы не пожар, так я действительно просидел бы там эти три дня, а так уже назавтра выпустили, — сказал он и засмеялся сиплым, простуженным смехом.

— Водку ему, — ворчливо отозвался кашеваривший Жан-Пьер. — Ты бы лучше конины где-нибудь

раздобыл, а то этого кусочка даже младенцу маловато будет, а нас здесь десяток.

— Я вот подожду, пока ты сдохнешь, и, пожалуй, тебя попробую, — оскалился Удэ. — Вон почитай уже месяц, как нормально не ели, а ты все так же упитан. — Он опять засмеялся своим лающим смехом.

Сидевшие вокруг костра заржали удачной, по их мнению, шутке. Смертью солдата не удивить, а после этого похода смерть иногда и вовсе была избавлением.

— Все, хватит зубоскалить, — строго сказал Жан-Пьер. — Вареву уже закипело, так что налетайте, пока не остыло. — Сидящие вокруг костра солдаты зашевелились, подставляя кружки и миски под черпак, которым ловко орудовал кашевар. У них еще оставалось немного сухарей и галеты, которыми они разнообразили этот скудный рацион. Когда котелок опустел, Удэ облизнул свою ложку и спросил:

— Помнишь Мишеля, того усатого, который был с нами при Смоленске?

— Еще бы, — ответил Огюст. — Этот прохвост до сих пор должен мне двадцать франков.

— Ну, ты их еще долго не увидишь, — ухмыльнулся капрал, — его перевели в корпус Нея и после ранения отправили на родину.

— Наверное, теперь он по Парижу прогуливается, а мы здесь мерзнем, — пробурчал Огюст. — А откуда ты о нем узнал?

— Недавно на привале разговорился с одним гренадером. Вспоминали общих товарищей. Он мне и рассказал о Мишеле — они сражались вместе под Красным, где Мишеля ранили. Впрочем, может, это и к лучшему, а то замерз бы где-нибудь по дороге. — Удэ закончил рассказ и спросил: — А что говорит капитан?

Огюст пожал плечами и ответил:

— Нам приказано оставаться здесь, пока все не пройдут.

Удэ нахмурился.

— Половина и так здесь останется, — сказал он, указывая вниз на толпу, скопившуюся у моста. Он был прав. Люди сидели у редких костров, пытаясь хоть как-то согреться. Многие приваливались к телегам или к своим товарищам, стараясь обмануть холод. Апатия, предвестница смерти, витала в воздухе. Вдруг издалека раздалась звуки выстрелов.

— Началось, — мрачно заметил капрал. Он выхватил свое ружье из пирамиды и побежал в колонну, которая строилась вокруг капитана Ожерона. Судя по отдаленному гулу, это были казаки или регулярная конница, а их лучше встречать в каре. В рассыпном строю против них много не навоюешь.

Люди внизу зашевелились, раздалась крики, плач. Вскорости появились несколько всадников, которые подскакали к палатке полковника. Оказалось, что передовые части русских, из армии адмирала Чичагова, находятся в двух милях от переправы. На подходе к мостам началось столпотворение. Все пришло в движение; охранявшие переправу солдаты и кирасиры с трудом сдерживали этот натиск. Началась давка.

Гул копыт нарастал. На соседнем пригорке показались линия всадников: их оголенные клинки поблескивали на тусклом зимнем солнце. Огюст оглянулся назад, в сторону ставшей столь далекой переправы, и последнее, что он увидел перед боем, был слегка припорошенный снегом возок императора, пересекающий мост на запад. А гул копыт все нарастал.

ГЛАВА 4

Рождество 1812 года я отмечал в Петербурге. Столица гудела рождественскими балами. Настроение у всех было приподнятое. Бонапарт покинул Россию: на глазах у изумленной Европы непобедимый доселе